

К 1348834

Юрий Максим

Который час сегодня на Земле?

14
15

местный обязательный экземпляр

Юрий Максим

Который час сегодня на Земле?

Михаил Юрьевич Максим

Который час сегодня на Земле?

Стихотворения

Вологда
2004

1348834

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

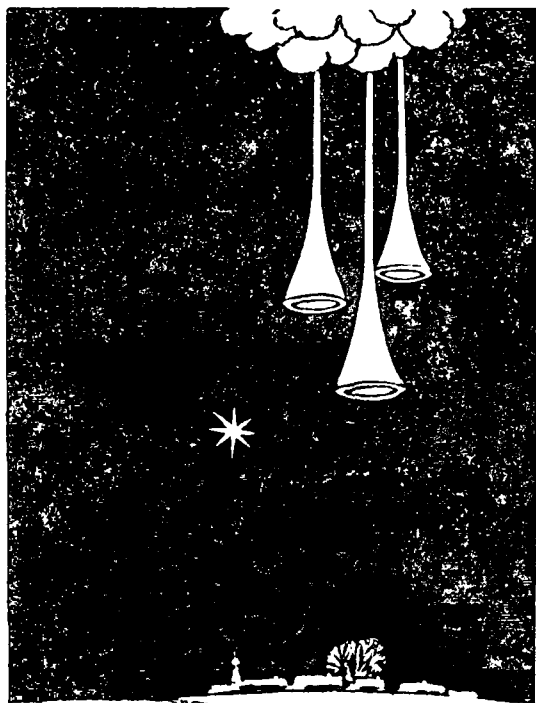
Редактор
А. А. ЦЫГАНОВ

Художник
Э. В. ФРОЛОВ

Максин Юрий Михайлович родился 13 августа 1954 года в деревне Плосково Череповецкого района Вологодской области. Его стихи публиковались в журналах «Москва», «Роман-газета XXI век», «Север», «Русская провинция» и других. Автор нескольких поэтических изданий. Член Союза писателей России с 1995 года. Живет в городе Устюжне Вологодской области.

Россия! Огнишь отъ Сна...

Павломъ мѣдѣ Тоскою восторгать...

Россия! ... мы живемъ по вѣсѣмъ потаеннымъ!

* * *

Всю ночь
шел дождь.
Стекали капли
и мыли зимнее стекло.
И набирала воду в лапья
сосна.
И только рассвело,
она умылась,
посвежела,
упругим ветром завилась
и кудри колкие
вертела
весь день,
в мое окно глядясь.

Глядел Господь
на край умытый,
обласканный на много верст.
И чистые
слова
молитвы
я с чистым сердцем
произнес...

* * *

Не колокольчика тоска
на много верст окрест.
Под ветром ветки ивняка
играют благовест.

А где-то там,
на высоте,
другой — глубокий звук
о том, что в горней красоте
не обойтись без мук.

Что высший путь — то крестный путь
и, взявшись крест нести,
нельзя обратно повернуть
и поменять пути...

В пустой замерзший гулкий лес
вхожу, как в Божий храм.
Уносит ветровой оркестр
осанну к небесам.

* * *

Надсадно и странно тоскливые трубы пропели,
и юность и жизнь повернули на вечный покой.
Как жаль, что не вспомнить себя в золотой колыбели,
когда рядом мама поет о печали земной.

Но я возвращаюсь к родимым местам-оберегам,
в заветное царство знакомых людей и зверей,
где крупные блестки ничем не измятого снега
хранят чистоту и спокойствие зимних полей.

Здесь русские звезды вовек не осыплются с неба,
горящим дождем возвещая вселенский закат!..
Здесь в памяти вешней колосьями спелого хлеба
осенние нивы, прощаясь, протяжно звенят.

Не надо печали. Давайте под небом старинным
бессмертную душу лелеять до лучших времен.
Душа встрепенется, припомнив былые картины,
надежную веру и гордость славянских племен.

* * *

Эти травы родимой земли,
эти вросшие в небо деревья
защитили судьбу от безверья,
врачевали меня, как могли.

Припаду ли в лесу к роднику,
погляжу ли на блеск увяданья,
сознаю на коротком веку —
нету лучших основ мирозданья!

И ползущий домой муравей,
и кленок, золотящий дорогу,
ничего не хотят от людей,
пребывают покорные Богу.

Божий промысел виден во всем.
Благодатное действие природы
завязалось на долгие годы.
Что же мы так недобро живем?

* * *

Среди ветров равнины белой,
открытой вдоль и поперек,
большая ёлка уцелела
вдали от всяческих дорог.

Ни на костер, ни для забавы
в жестоких прихотях людей
она не срублена по праву
уединившихся корней.

Ей смерть сулит лишь буря злая,
как нам отсутствие любви.
Родоначальница лесная,
молю тебя — живи, живи...

ПЕСНЯ

И на этом берегу — лес,
и на том берегу — тож.
Я плыву по реке вниз
с улетевающим листом схож.

Где-то есть у меня дом,
рядом с домом — золотой сад.
Из трубы идет родной дым,
а в избе живет родной брат.

А у брата есть стальной конь,
а у брата сердце — истинный клад,
у него не заскучает гармонь,
и обидно, что мой брат не женат...

Где же мне такую
нынче сыскать
да сосватать ему радость-жену,
что сумеет семерых нарожать,
верно ждать, коль брат уйдет
на войну?

И на этом берегу — лес,
и на том берегу — тож.
И плыву я по реке вниз
с улетевающим листом схож.

* * *

Опять иду знакомыми полями.
Полями их теперь не назовешь.
Там, где когда-то колыхалась рожь,
где лен клубился синими волнами,
ни колоса, ни льнинки не найдешь...

Не потому, что осень на земле.
Другие в жизни властвуют законы.
Дитя земли вздыхает сокрушенно:
«Ходил в ярме, теперь живу в петле.
Жируют только воры
и вороны».

Земля пустеет.
В ней одна нужда:
заморским шулерам угодны ставки.
В игре давно не цапки да булавки.
а уж рублей не сыщешь и следа.
Прикормлены столичные козявки.

Они опять подумали за всех
и навязали древнему народу
безденежье и пьяную свободу.
В стране бардак — в Америке успех.
Давно приелись ссылки на погоду...

Невиноватые
опять подставят спину
и вытянут обломок корабля,
не получив за это ни рубля
и не столкнув виновников в пучину.

Не паханы знакомые поля.

* * *

Деревня вымокла от долгого дождя.
Отплакалась, а после улыбнулась —
от солнышка. От ветра — встрепенулась,
держа слезинки в травяных горстях.

И засверкало, заискрилось чудо:
сады душистые и прежние дома.
Старинный пруд, как великанье блюдо,
гусей и уток посводил с ума...

И люди шли домой после работы,
и обновленье чудилось во всем.
И древние крестьянские заботы
любовью наполняли каждый дом...

Мне это все причудили дождевики,
посолоневшие зачем-то на лице.
А может, вдовьи мамины слезинки
и наша с нею память об отце.

* * *

Юрию Вершинину

Все заросло
деревьями большими,
густым кустарником,
белесою травой.
Когда с тобой
дружили молодыми,
здесь был покой,
но не такой покой...

Он не страшил
дремучестью глухою.
И ближний лес,
и дальний наш покос —
все заросло,
все было не такое.
Жаль родину
и жаль себя
до слез.

Здесь предки жили
и детей растили.
И мы с тобой
с младых чудесных лет
влюбились оба
в эту часть России,
которой нет,
какой уж больше нет.

Зачем ушли,
зачем отцы остались?
Зачем теперь
сюда стремимся вновь?
Наверное,
еще не растеряли
сыновний стыд,
сыновнюю любовь.

Все заросло...

* * *

Тоскует мать. Одна в родимом доме.
Она его не хочет покидать.
Здесь все свое. Здесь все душе знакомей.
Вот только зиму трудно зимовать.

Добротный дом и поле за дорогой —
покуда есть за всем хозяйский глаз.
Не оставляют дети без подмоги.
Но это летом, осенью. Сейчас...

Сшивают нитки лоскутки в узоры.
Котенок лапой задевает нить.
Не слушает негромкие укоры,
ему легко с такой хозяйкой жить.

Легко ли ей? Нам всем уже знакомо
день ожидания делом коротать.
Тоскует сердце по родному дому,
где до утра
 не гасит лампу мать...

* * *

Храни тебя Господь,
деревня Плосково,
всех, кто живет,
всех, кто здесь будет жить.
Ты в море жизни
остаешься островом,
куда все время
хочется приплыть.

Жалею,
что ни школы и ни молодежи
здесь больше нет.
И даже школьный сад
роняет осенью не яблоки,
а желуди.
Их, как известно,
дети не едят.

Нас увели дороженьки,
похитили.
В других местах
ты пустишь корешки.
Храни Господь
твоих исконных жителей,
пускай живут подольше
земляки.

* * *

А душа все время не на месте.
Что ж ты, родина, униженно молчишь?
Загрустила от дурных известий,
или спишь?

Может, сон твой, беспробудный, в руку.
Листья тоже скоро улетят.
Тяжело, когда войдут без стука.
Застучат.

Я последний? Может быть, последний,
кто тебя, кручинясь, обоймет.
Но другой. Совсем другой наследник
припасенный саван развернет...

1348834

17

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

СЕРП

Его хранят в крестьянских семьях,
не продадут, как ни проси.
Железный жнец с полей селений
еще языческой Руси,—

он до сих пор хорош в работе.
И первый сноп — его удел!
Он закален в соленом поте
к труду привычных женских тел...

Сутул, горбат, не для молений,
как ни проси — не отдадут —
фамильный герб всех поколений,
которым дорог сельский труд.

* * *

Когда зима использовала срок
и разорались мартовские кошки,
старик столетний вышел за порог,
сощурился на мир не сквозь окошки...

Вдыхает молодильный аромат,
в серебряных усах тая улыбку.
Звенит капель. Старик, конечно, рад,
что жизнь опять не сделала
ошибку.

Сто первый год. Дед почал новый век.
Беззубый,
немошный,
не спился, не скурился —
стоит счастливый русский человек,
считай, что вновь на свете появился.

Припоминая прожитую жизнь,
не скажет, что «видал ее в гробу».
Стоит и ждет, на посох опершись,
праправнуков в просторную избу.

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Вот так приходит жизнь, свершая чудеса —
корнями в землю, в высь — шатром ветвей.
В оттаявшем лесу проснулись голоса
деревьев, ошалевших от вестей.

Они шумят, качаясь на ветру,
заслушаюсь их пылкими речами
и буду жить, приученный к добру
и щедрости
весенними
лучами.

ЕЛЕНИН КЛЕН

Я посадил Еленин клен
в честь дочери моей.
Не распадется связь племен —
деревьев и детей.

Часть моего тепла вошла
в земной круговорот.
И песню, что светлым-светла,
душа моя поет.

Идет земная черед
рождений и смертей...
Ко мне нагрянула беда
в один из светлых дней.

Вернувшись с дальних похорон,
на дочь свою гляжу.
Там, где растет Еленин клен,
калину присажу.

* * *

Не от Бога, не от века,
а от матери с отцом
на родного человека
ты похож своим лицом.

Стоит только приглядеться
к нашим северным глазам,
завлекут любое сердце —
изумруд да бирюза.

Обвинишь меня в гордыне,
я могу и возразить:
Русский Север — не пустыня,
не пустыне здесь и быть!

Есть у нас боры, озера,
небо с ясной синевой,
откровенья чудотворов,
просветленных красотой.

Неужели без опеки
мы оставим край большой?
На какого ж человека
ты похож своей душой?

РУССКАЯ СКАЗКА

Какая старая зима,
седым-седа и холод лютый.
Висит густая бахрома,
а сквозь нее блестит луна,
как золотой, слегка погнутый.

Стреляют мерзлые стволы,
пугая путника и зверя.
Промерзли тонкие углы,
пряят крестьянские столы,
и с паром в дом впускают двери.

И черный хлеб и белый хлеб,
в печи под вечер разогретый,
ножом трофейным режет дед.
Он самый мудрый в ряде лет
и самый строгий дед планеты!..

А годы мчатся все быстрее,
с горы,
как детские салазки.
На родине все холодней,
и я дышу на стекла дней,
чтоб не замерзнуть русской сказке.

* * *

Любому гостю буду рад.
Зайдешь — налью стакан вина,
всем, что имею, угощу.
Уйдешь без слова —
не взыщу.

Ты просто заходи ко мне,
забыв про «истину в вине».
Тебя приму как брата брат.
Ты заходи.
Я буду рад.

* * *

Стал горек хлеб за праздничным столом,
и думы тяжелей — день ото дня.
Остановилось время за окном —
невидимая форма бытия.

На старых лозунгах уже растут грибы,
зато на древках — новые портреты.
Неужто все мы — пасынки судьбы —
шестая часть еще живой планеты!

Как долго длится эта злая явь.
Как много зло имеет вариаций —
от шабашей в поруганных церквах
до лагерей, до псевдодемонстраций.

О, Русь моя! Преступен каждый миг,
переходящий в долгую покорность,
детей твоих униженную гордость,
к которой каждый, кажется, привык...

ПОХОРОНЫ

«Идет процессия за гробом».

Н. Рубцов

Обшарпан старый грузовик.
Мала процессия за гробом,
хотя район узнал подробно,
что умер старый большевик...

Мала процессия: знакомый,
семья да редкий строй друзей,
да женщина — гонец райкома —
сверкает золотом перстней.

Летят на землю лапки елей,
последний обозначив след
к последней, неуютной цели,
где никого живого нет.

Где вдовьи тропы, как траншеи,
когда зимой глубокий снег.
Вот так хоронятся идеи,
не просто — старый человек.

* * *

В прошлом нет запасных вариантов.
И на хрупкие души юнцов,
как на плечи гигантов-атлантов,
опустилось наследство отцов.

Время веры ушло безвозвратно.
Бьются души, как рыбы об лед.
На священный квадрат аккуратно
опустился чужой самолет...

Урожай — на одни анекдоты.
Горек смех. Липок хлеб задарма.
Заполняются сердца пустоты
бесполезным избытком ума.

Сила сгинула в страшные годы
без вины,
на войне,
без войны.
Оскудели народом народы
в перекройках чиновной страны.

Как немного дающих осталось.
Нелегко отбиваться от жал!..
Со свободы добро начиналось,
только кто ж ее даром давал?

ЗАТМЕНИЕ ДУШИ

*Безвестным строителям
Рыбинского водохранилища
посвящается*

Однажды —

это было в сентябре,
когда селяне суетятся в поле,
перед зимой жирует зверь
на воле,—
я сам стал зверем на родной земле.
Я приобрел у старого дельца,
в обход пустых указов и законов,
оружие «крутого» образца —
немецкий шмайссер
с ящиком патронов.

А после —

это было в октябре,
когда упал убор листвы древесной,
неотвратимо призванный ржаветь,
пропитанный насквозь водой небесной,
я вынул металлический предмет,
закутанный в промасленную
ветошь,
пропахшую грозой военных лет,
и вышел в лес, точней, в лесную
глушь.

Своей тропой, за кромку синих дач,
где невозможно осенью согреться,
туда, где в шуме ветра слышу плач,
где многоликий стрелочник-палач
не отвечал за остановку сердца.
Где до сих пор надежнее спецхрана
могилище строителей воды.

Здесь нет крестов, не бесится охрана —
на пенсии за «тяжкие» труды.

Я шел туда, где молодой стрелок,
отцелив измочаленного зека,
роль «санитара» выполнил, как мог,
пробив насквозь, в затылок, человека.

Опасна тяга странная

к стрельбе —
мушкеты, ружья, автоматы, пушки...
О, люди! Мы давно уж не в себе,
хлебнувши зелья из военной кружки.
Нас запах драки тянет поглазеть,
кто делит власть, в кого теперь
пульнули.

Какая разница?! Когда гуляет смерть,
и в любопытных попадают пули...

Опробовать магический предмет
из крепкой оружейной стали Круппа,
молчавший долго — сорок восемь лет —
я вышел в лес, поднявшийся на трупах.
Как на врага, глядел на этот лес,
всосавший плоть невольников убитых.
«Стреляй в него», — шептал какой-то бес
(мы все же с ним в конце остались квиты)...

Впивались пули в крепкие стволы.

Они стонали, осыпая ветки.

Замедленным подобием стрелы
рванулся заяц с лежки,

как из клетки.

Рассеялось окрестное зверье,
копыта землю, рвя ее когтями,
а я все посылал в небытие
деревья, что укрыли злую память.

Вот так азарт доводит до греха,
который трудно отмолить у Бога.
И строчки покаянного стиха —
к нему от одержимости дорога.

«Прости, Господь,
душевный мой раздрай,
прости, что был похожим на убийцу».
Как редок стал некрасовский Мазай,
и мало доброты на русских лицах.

Распуганных зайчишек оклика
и унимая страх дрожащих пальцев,
я вспомнил одного Антимазая,
наколотившего прикладом
лодку зайцев.

Своей жене, краснея от натуги,
он преподнес кровавый тот подарок.
Рассказ о нем восторженной супруги
прочел в ее подробных мемуарах.

Прости мне, лес, затмение души.
Она тиха, по-русски молчалива.
Мне жить дано в твоей густой глуши,
на берегу Моложского залива.
Другим —

лукаво память бередить,
под лозунгом идти на баррикады.
Пускай идут. Мне есть что
сохранить.
Святыни есть. Их забывать не надо...

Патроны вышли. Шмайссер утопил,
немецкой сталью затупив подпилочек.
Прошел октябрь. В Москве народ
бурлил.
Сберечь Россию совести хватило...

1993 г.

* * *

Там, где краснеет восход,
дремлет витой можжевельник,
и открывается вход
в старый задумчивый ельник.

Солнца и ветра тут нет,
лишь тишина да покой.
Можно увидеть скелет,
череп, поросший травой.

Можно еще разглядеть
бывшего лагеря лик.
Здесь, позабавившись,
смерть,
спряталась в иглы хвои.

СЛОВО

Вначале было слово,
и слово было — враг.
С тех пор без слова злого
не обойтись никак.

Людей невинных нет —
сложились в ряд слова.
Когда трещит скелет,
безумна голова.
А палачей не счесть на поводках,
им платят не за совесть,
а за страх.
Застыла кровь на лапах и руках,
замешенная на людских слезах.

«Так вот оно — начало из начал», —
мой дух, не разобравшись,
возопил.
Но белый ангел сверху погрозил,
чтоб я на слово зря не клеветал.

Вначале было слово,
и слово было — Бог.
Земля была безвидна и пуста.
О, Господи, и кто б подумать мог,
что здесь распнут
невинного Христа.

* * *

Не хранит себя Русь, а хоронит...
И чем дальше, тем горестней жить.
Без поводьев неслись наши кони,
мы о том разучились тужить.

Спохватились,
да, кажется, поздно —
подлетели к смертельной черте.
Вал за нею обрушится грозный,
не успеем и песню
допеть...

* * *

Я плачу, глядя фильмы о войне.
И ничего тут пояснять не надо.
Отцова кровь на поле Сталинграда,
отцова кровь на огненной дуге.
И та же кровь с осколком от снаряда
и пулевым свинцом течет во мне.
Ей о войне рассказывать не надо,
она сама расскажет о войне.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПОЛОСКА

Бой кипел на узенькой полоске —
на земле, что в плоть и кровь вошла...
До сих пор рождает отголоски
в русском сердце памяти стрела.

И опять слеза глаза туманит
и кривит тупым оскалом рот.
На полоске ярость танк таранит,
на полоске страшный бой идет.

Этот бой спустя десятилетия
вечным сном нам не дает заснуть.
И боюсь, очнувшись, не успеть я
на кровавый, но священный путь.

Смертная полоска устояла,
поднялась, пошла, врагов круша.
Вместе с ней до боли трепетала
и моя, за Родину, душа.

* * *

Станиславу Золотцеву

Молчали об этом всеведы,
не чуяла сердцем страна:
грядет за Великой Победой
эпоха
Великого Сна.

Нет пастыря,
нету святого,
всеведы твердят не о том.
Осталось лишь Русское Слово
еще не охвачено
Сном.

Оно невесомее пуха,
трепещет в устах мудреца,
незримой энергией духа
светясь,
зажигает сердца.

Бесценная книга, молитва,
ночной разговор о былом —
зовут на духовную битву
со всеусыпляющим
злом.

Живое, творящее Слово
едино на все времена.
Мир гибнет от слова пустого.
Россия!
Очнись ото Сна...

* * *

Неприютность
бывает смертельна.
Тает жизнь
и без этих минут.
Греет душу
лишь крестик
нательный
среди нашего срама
и смут.

Он качается —
маятник Бога —
то возвысит,
то долу пригнет.
Жизнь —
такая прямая
дорога,
что на метр
не увидишь
вперед.

Где найти
вожака,
что не сгубит?
Наглый — снова
в баранку согнет
и гвоздей
из народа
нарубит,
и гвоздями
на крест
вознесет...

* * *

Погляди, как цветы увядают.
Но красуются гроздья рябин!
Паутинки на лицах не тают,
превращаясь в тропинки морщин.

Я люблю эти русские лица,
отразившие горечь утрат.
В небесах их тоска отразится,
в голосах, что по небу летят...

Нам немного осталось запомнить,
в сердце высветлив древнюю грусть.
Ах, какие красивые кони
уносили в отчаянный путь!

Перед самой жестокой преградой
не сломались, не сбавили бег.
Жжет мороз среди зимнего сада.
Тает воск. И закончился... век.

ДВАДЦАТОМУ ВЕКУ

«Ужасный век, ужасные сердца!»

А. Пушкин

Мой сон пророческой окраски
сбывается день ото дня:
в России жизнь скупа на ласки,
а ласки не дают огня.

И разум спит, и ангел мрачен.
Тот, кому имя — человек,
непоправимо одурачен,
тобой, хвастун двадцатый век!

Тобой, что не приносит мира
душе, свободной от систем.
Ты до сих пор творишь кумира
среди белых или красных стен.

Ты измываешься над правдой
смертельной ложью подлеца,
мараешь честь, кладешь отраву
в неразвращенные сердца.

Как шут идешь на богомолье,
без веры посещаешь храм,
не солью слез, а просто солью
кропишь цветы священных ран.

О, век машин и горлопанов,
век хитрой серости льстеца
и гениев, ушедших рано,—
«Ужасный век, ужасные сердца!»

* * *

За светлые слезы,
за русские слезы
держат перед Богом ответ...
Шумите, березы,
ласкайте березы,
славянский разорванный свет.

Под небом единым
справляем години.
Опять навернулась слеза...
От русской картины —
до срока седины
и горем затмило глаза...

Гляжу с поднебесья
на грады и веси
и словом заветным клянусь
от адовой смеси
безлюбья и спеси
спасать изможденную Русь.

Не выцвели розы,
не вылились грозы,
не вырос березовый крест.
За светлые слезы,
за русские слезы
расплата приходит
с небес!

* * *

Среди ночи очнусь и гляжу
в темноту
без границ деревянных.
Спать не хочется, не вмоготу,
будто был накануне я
пьяным.

И молитва смятенной души
устремляется к светлому Богу:

«Не спеши, я молю, не спеши
сокращать мне земную дорогу.
Мне б увидеть рассвет золотой
и красивые русские лица,
чтобы знать за последней чертой,
что Россия моя возродится.
Не минует мя чаша сия —
всех равняет смертельная участь.
Помоги мне до смертного дня
жить, за грешную родину мучась».

* * *

Я двигаюсь в жизни
рывками,
а надо бы
медленней жить —
потихе
стучать каблуками,
пореже
махать кулаками,
семью понадежней любить.

А надо бы
больше трудиться
для ближних и дальних родных,
пред Богом почаще виниться,
ценить журавля
и синицу.
А что мы без тех и других?

Мне жить так
никто не мешает,
да, видно, характер не тот:
журавль, как всегда,
улетает,
на воле
синица живет...

* * *

Утро раннее. Солнце ликует.
Этот час у него — без хлопот.
Свежий ветер молитву диктует,
покружившись у каждых ворот.

В этот час задержись, погляди на восток,
ощути, как восходит сиянье,
и поймешь, что на запад уносит поток
хлопотливого дня
без названья.

* * *

Поутру помолился и вышел
на дорогу
дневной суеты,
поглядел
на небесную крышу,
на остатки
земной красоты.
Суета
заразила бессильем,
не дает отдохнуть голове.
А всего было надо-то —
крылья —
раствориться
в небес синеве.
Ах, когда
эти крылья сложили,
где
развеяли пух золотой?..
Божьей милостью
не дорожили,
потеряли
покой дорогой...

* * *

А времени все меньше, дорогая.
Я больше не стою в очередях.
Гляжу, как люди вещи покупают,
как радость зажигается в глазах.

Шальные деньги оживили время,
оно жужжит, как муха у виска.
В родной земле растет родное племя,
и вместе с ним — «зеленая» тоска.

* * *

Обрушу груз
 пустых тревог,
как вешний снег,
 нависший с крыши.
Напьюсь вина,
 как юный бог,
пока жена и дочь
 не слышат.

Со мной ни лампы,
 ни звезды.
Просвечивая
 еле-еле,
блестит окно,
 как слой слюды,
как темный свет
 в конце туннеля.

Я напишу
 письмо судьбе,
скреплю его
 вином и кровью
и, может быть, пошлю
 тебе
за все хорошее,
 с любовью...

* * *

Апрель не думал появляться
в стыдливой, зябкой наготе.
Уже хотелось удивляться
пыльце на вербином холсте.
Но снег лежал.
С утра морозы
переставали
скалить рот,
но в темень, в лужах
белой розой
извивы льда смыкали свод.

Шли псы по скользким гобеленам.
Машины лед давили вскок.
О, красота! Когда б нетленна
была ты.
Но приходит срок —
мир предстает в грязи и сраме
и плещет жизнью через край.
Ушла зима.
В весенней драме
был ли апрель?
Но вот он — май.

* * *

Пьяный ветер горячей весны
или рано влетевшее лето
обманули черемуху цветом
и не ведают в этом вины.

Но природа не любит поспешеств,
ей излишества тоже во вред.
И скворцы из уютных скворешен
наблюдают, как сыплется цвет.

Это сиверко, строгий наставник,
наказал за ненужную прыть.
Я хотел распахнуть свои ставни.
Может, правда, не стоит спешить?..

ОДНАЖДЫ

Сушили крылья толстые стрекозы.
Сюда давно никто не заходил.
Корявый ствол сломавшейся березы
лежал в траве, как белый крокодил...

Я на расщепы поглядел с опаской.
Кругом таилась колкая беда.
И вдруг плеснуло самой жаркой краской
в лицо предошущие стыда.

* * *

Который час сегодня на Земле?
Погнулись стрелки,
слиплись циферблаты.
Обедать время
иль с поклоном в Штаты,
или пылить на шабаш на метле?

Не стоит, брат.
Все в этом мире зыбко.
Все это не приводит никуда.
На Млечный Путь
берестяная зыбка
подвешена.
В ней спит дитя-звезда.

НАШЕ

*«И какое может быть крушение,
Если столько в поезде народу?»*

Н. Рубцов

Лист бумаги. Карандаш.
Мокрый шепот слез-горошин.
В чистом поле мчался *наш*,
а теперь стоит заброшен.

За столом, среди старья —
книг, линеек, склянок, клея —
тлеет лампа бытия,
временами душу грея.

Временами времена
воскрешают речи, лица.
Мира сгнившая стена
все не хочет обвалиться.

Временами времена
злыми осами роятся.
Жизни тонкая струна
так и хочет оборваться.

Мир идет из следа в след.
Белый свет в дисплей обужен.
Не смешно ли, Интернет
всей планете станет нужен?

Мокрый шепот. Карандаш.
По-английски русский — раша.
В чистом поле воеет *наш*.
В темном небе
светит
наша...

* * *

Падает с неба замерзшая влага.
Зябко. Отвычно рядиться в пальто.
Ветер бодрит, как ядреная брага.
Нежная дамочка ловит авто.

Мне не нужны ни авто, ни подруга,
русской свободой повеяло в грудь.
Эх, отыскать бы старинного друга,
выпить бы рюмку да тронуться в путь.

Зимней дорогой да ноченькой звездной
вместе брести от села до села...
Хочется верить: не все это поздно.
Ой, далеко нас судьба развела!

Ой, далеко наша песня польется.
Ой, да не выйдет никто поглядеть.
В тусклых окошках бедой улыбнется
страшная дамочка — лютая смерть...

* * *

«Съестные припасы подходят к концу —
всё, что заготовил за осень.
Пора собираться с котомкой к отцу
и к маме — в заречную просинь.

Там мясо и рыба, и даже икра
от шуки, попавшейся в сети,
там — полная чаша съестного добра,
а здесь — погрустневшие дети»...

Так думал не раз я в былые года
под взглядом супружницы строгой.
Теперь собираю продукты в рюкзак,
вожу их обратной дорогой.

И радостно мама встречает меня
и, глядя в глаза, обнимает.
Как много меж нами родного огня,
что души людей согревает.

Качаются ветки за нашим окном,
и ласточка к деткам стремится.
И мы затихаем за полным столом,
чтоб Богу за все помолиться.

И радостно знать, что исполнил свой долг,
что мать моя мною довольна.
Вот только отца не усадишь за стол,
и сердцу от этого — больно.

* * *

Лес
мою душу врачует,
виден
из окон избы.
Лесу
любовью плачу я,
листки,
иглы целую,
если иду по грибы.

Вот и сентябрь
на исходе.
Сток загрустил
на лугу.
Убрано все в огороде.
Кто ни радей
о народе,
выживем
назло врагу.

Лес
мою душу врачует,
стелет под ноги
листву.
Очи закрою
и чую —
облаком чистым
лечу я
и ничего не хочу я.
Осенью
так и живу...

* * *

И трепет крыл,
и грозной силы мощь
в моей душе слышны
попеременно,
когда дышу
настоем русских рош
или молюсь
коленопреклоненно.

О, родина! Лихие времена!
Разъела ржа
основы государства.
И жадные до крови племена
кромсают
изувеченное царство.

Доколь терпеть?
Грешно смиряться там,
где пауки
раскидывают сети.
Я б ничего не пожелал
врагам,
но видит Бог:
я им желаю
смерти.

В РОЖДЕСТВО

Господь,
избави от напасти
семью, всех близких и друзей.
Светлеет жизнь
на грани счастья,
как ночь от утренних лучей.

Сегодня
в каждом Божьем храме
справляют люди торжество.
Ликует дух,
сияет пламя
свечей
в Христово Рождество.

Господь,
услышь мои молитвы
о всех, несущих тяжкий крест,
кто, встав на путь
незримой битвы,
услышал
горний благовест.

* * *

У друга умерла жена.
Весть притекла на шумном торжище.
Скончался март. «Весна! Весна!» —
кричат грачи. Танцуют горлицы.

И не помочь, не прилететь.
Играет музыка. Целуются.
Торгуют люди. Снедь и смерть
перед глазами не стыкуются.

Перед глазами все она —
красивая, добром богатая...
У друга умерла жена,
ни в чем, ни в чем не виноватая.

Жена оставила на жизнь
двух сыновей и мужа грешного.
Крепись, дружок, сильней держись
за кромку горя неутешного.

СОН

Мне приснилась собака,
лизнула мой нос.
От жены не дождешься такого!..
И по этому поводу зреет вопрос
и цепляется слово за слово.
И ругаюсь,
и пробую рифмы искать,
и ломаю ненужные перья.
На экране в углу продолжают
стрелять,
и по этому поводу —
зверь я.
Ну когда вы поймете,
что надо любить,
как собака,
что в сон заходила
и лизнула лицо,
а могла укусить;
что любовь — это вечная сила.
Это наша с тобой золотая струна,
и чужим ее трогать не нужно.
И ее задевают
то он,
то она,
то ее задевают супружно.
Нам бы вспомнить, сыграть бы
в четыре руки,
на два голоса петь до улады.
Закрываю глаза, и мне лижут виски
две собаки
из райского сада...

* * *

Свернул
подальше от соблазнов —
в еловый лес,
в сосновый бор.
Туда,
где много
всяких-разных
грибов,
где крепкий мухомор
сперва приветил
шляпой красной,
а после
загрустил вослед,
когда обратно
всяких-разных
я нес
корзину
и пакет.

«Ах, мухомор!
Тебе, приятель,
придется
сгинуть на корню.
Ты не украсишь
чью-то скатерть,
не удивишь
ничью родню.
Но не грусти.
Тебя прекрасней
во всем лесу
не встретил я.
А что до яда,
то опасней
в руках

красивая змея.
Она ужалит
и обманет,
на всю родню
напустит мор.
И на душе
так горько станет,
что не спасет
сосновый бор».

* * *

Олегу Никитину

Мы стареем, дружок, лицемерить не надо.
Постарели дома, храмы древней Руси.
Постарела душа у старинного града
и потомкам умельцев сказала: «Спаси!»

Когда рушится дом,— это гибнет
гнездовье,
и другое поставить не так мудрено,
как политое потом, червленое кровью,
золотое, народное жизни звено.

Мы стареем быстрее, чем лес или камень;
если совесть открыта — все боли близки.
На Руси умирают красивые здания,
у кого-то при этом седеют виски.

Кто-то с диким упорством,
обложенный бранью,
ищет звонкие бревна на сгнивший венец,
кафель старых печей,
как бесценные грани
отгоревших свое и разбитых сердец.

Лицемерить не будем, не часто бывало
откликались на зов тех,
кто память хранит.
И черствела душа, не смущаясь нисколько
тем, что рядом разрушенной
церковь стоит.

ДОМ РОМАНОВЫХ

Роберту Балакину

Недаром
фамилию эту
носил ясноглазый поэт.
Лучатся особенным светом
страницы Романовских лет.

Поэта
венчала на царство
творящая русская грусть
за наше с тобой государство,
за нашу
любимую Русь.

Над нашей
жестокой любовью,
над спекшейся болью равнин,
над слов
набегающей солью
он был —
золотой властелин.

Он был?..
Никуда он не делся.
Листаю любимейший том,
и радостью
вспыхнуло сердце,
где вышито слово крестом.

Не знаю,
какой это крови,
каких
это стоило сил,
но мало кто

Который час сегодня на Земле?

в крепкой любви
родное гнездо сохранил.

Сюда возвращаются
Воин,
Поэт
и Скорбящая мать,
и все,
кто сегодня достоин
родимую Русь защищать.

В июне —
в Петряеве светлом,
вздываясь
над блюдцем-прудом,
как крепость,
под небом заветным
всех примет Романовский дом.

* * *

Поэзия — порядок слов,
который продиктован свыше.
Его сперва поэты слышат,
потом — кто слушать их готов.

А есть еще порядок снов —
летучих, чутких откровений.
Его толкуя, ясный гений
готовит пищу для умов.

А жизнь — игра в порядок дней.
Судьба тасует яркий веер,
швыряя в топочный конвейер
тузов, шестерок, королей...

У смерти нет порядка дней.
Рой снов другому будет сниться.
Поэт — сквозь время воплотится
порядком слов в душе твоей.

* * *

И звезда не случайно упала.
Поздно понял я жизни закон.
Самых лучших душа выбирала,
заполняя судьбы небосклон.

Только лучшие — ярко сгорали,
а мерцали на небе моем
те, что душу
за грош продавали,
черным крася ее оком.

И сомкнулось кольцо окоема.
Белый свет показался не бел.
И, в какую-то бездну влекомый,
я в нее
бездыханный влетел.

И не пальцы к лицу прикоснулись,
а какие-то когти впились,
только очи мои не очнулись,
чтоб запомнить минувшую жизнь...

К самым лучшим
душа устремилась,
оставляя продажных в кольце.
Я восстал
из духовной могилы,
но остались следы на лице...

**РУБЦОВОВЕДУ В. С. БЕЛКОВУ
В ОТТЕПЕЛЬ 19 ЯНВАРЯ 2003 ГОДА**

Вставай-ка, писатель Белков.
Нас ждет за дверями весна.
Сошло покрывало снегов,
и все восстает ото сна.

Вставай, и пойдем не спеша.
По Вологде — долог наш путь
туда, где больная душа
сумеет хоть час отдохнуть.

Здесь зимние вьюги мели,
и рос за сугробом сугроб.
Здесь в чреве родимой земли
на гроб натывается гроб.

Поклонимся вехам крестов.
Дай руку, чтоб крепче стоять.
Налей-ка, писатель Белков,
не стоит питье согревать.

Такие вот выпали дни —
в Крещение повсюду вода.
А в храмах сияют огни,
а в небе — Рубцова звезда.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

1

Всё увидят,
оценят, осудят,
издадут не один яркий том.
Жаль,
что даже хорошие люди
по достоинству ценят —
потом.

Неприкаянной жизни стезя
довела до бессмертья Рубцова,
ничего в ней
исправить нельзя,
как из песни
не выкинуть слова.

Узаконился ранний уход.
В день печали
стихом помяни.
Неживучий поэты народ,
Русь, Россия, храни их,
храни...

2

Убийцею Бог наделяет
лишь тех,
кого любит всерьез,
как будто не чувствует,
не знает,
что скоро
ослепнет от слез.

И, смертию смерть попирая,
в назначенный гению срок
возносит
и преображает
и дарит бессмертие —
Бог.

* * *

Памяти Виктора Коротаева

Опять повторилось,
но нет больше слез,
есть горькие думы и даты.
Звезда закатилась.
Печален погост,
здесь снова мелькали
лопаты...

Давно ли
за рюмкой хмельного вина,
встречаясь,
шутили и пели.
И было нам всем
не до вечного сна,
не до земляной
колыбели.

В нас сила играла,
в нас пела любовь...
Нас кто-то бранит
с укоризной.
Недолго ярилась,
буянила кровь.
Все в жизни кончается
тризной.

Небесная Вологда
плачет,
когда
земная
прощается с телом.
Звезда закатилась,
сгорела звезда.
Но как она ярко
горела!..

* * *

Александру Цыганову

Сижу и пью
из рюмки поминальной.
С Рубцовым,
с Коротаевым
сижу.
Глазами
повожу вокруг
печально
и никого
вокруг
не нахожу.

Не вижу,
с кем бы мог
обняться крепко,
не плакаться,
а плакать,
не стыдись.
Я пью вино
и горькое,
и терпкое,
чтоб жгучая
не прерывалась
связь.

* * *

Свободен тем, что ничего не жду,
плетя из букв
сердечные узоры
и наслаждаясь
мнимым разговором,
который в одиночестве веду.

Те звуки,
что доходят до меня
из внешнего,
разлаженного мира,
доносят пыл
словесного огня,
спалившего
последнего кумира.

Губительный пожар
чужих страстей
не трогает
мое воображение.
В пустынный заповедник
вдохновенья
доходит свет
божественных затей...

ПОЭТ

(триптих)

I

На улице — со снегом дождь.
Под ветром коченеют лужи.
Поэт, преодолевая дрожь,
бредет, согнувшись неуклюже.

Сосед глядит на этот вид,
жену к окошку подзывает:
«Смотри, поэт опять не спит,
опять чего-то промышляет».

Не промышляет, видит Бог.
И тишина — не признак дремы.
Он захмелел от горьких строк
и вышел, в снег и в дождь, из дома.

II

Поэт поджигает слова
в холодной, нетопленной печке.
А где у поэта дрова?
Они еще плавают в речке.

Деревья, что радуют глаз,
рубить запретили медведи.
А те, что он раньше припас,
зимой обогрели соседей.

А где у поэта вода?
В ведерке со сломанной дужкой.
Прозрачное зеркало льда
пробито поэтовой кружкой.

Какая-то странная связь —
разбиты окно и ледышка.
Душа из ведра напилась.
Поэту вредна передышка.

Куда подевались друзья?
Сломались, как старая дужка.
Иные попали в князья.
А где у поэта подружка?

И что у поэта с душой
в каком-то жилище убогом,
где сердце под свежей золой
печально беседует с Богом?!..

III

Простите
мертвому
грехи,
его ведь больше нет.
Плетнем словесной чепухи
не заслоняйте
свет.

Не надо
пыль
былых обид
напрасно поднимать.
Любая пыль глаза слепит,
ее удел —
лежать.

Она
осядет
все равно.
А ваш скандальный брех
про то, как пил поэт вино,
по сути — тоже
грех.

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

Шел по улице художник
рисовать портрет вождя.
Вождь, острожник и безбожник,
сделал так, что жить нельзя.

Дверь стоит под толстой кожей,
а за дверью — кабинет.
На стене — три старых рожи,
а вождя покуда нет.

И задумался художник
о судьбе своей страны.
На него три злые рожи
молча зрили со стены.

Но не в пользу лиц почтенных
мысль творца с собой взяла,
за невинно убиенных
светлой слезкой истекла.

Но не знал того художник,
что в стене наискосок
вождь, острожник и безбожник,
смотрит в маленький глазок.

Мысль художника читает
да в руке бумажку мнет,
да тихонько подзывает
всех, кто той бумажки ждет...

На столицу выпал дождик,
а немного погода,
весь в крови, слепой художник
нес собой портрет вождя.

ПИАНИСТ

Помчались пальцы
по роялю,
взлетели,
пали
и опять
ласкали, били,
заставляли
сверкающий рояль —
рыдать.

Владелец их
лицом аскета
гляделся
в нотную тетрадь,
звучащие осколки света
стремясь
друг к другу
подогнать.

Его закончились
усилья...
Когда исчез
оваций дым,
запомнил
голову и крылья.
Играл сонату —
серафим.

ЦИКЛАМЕНЫ

Семь мотыльков благоуханных
слетелись на мое окно.
Хмелит воздушное вино,
разлитое не по стаканам.

Как воду йог, цветочный дух
и днем и ночью пью ноздрями.
За мною нет больших заслуг,
но жизнь украшена цветами.

Пускай враги сто раз охают.
Не веря им, поет душа.
Семь ярких нот благоухают,
цветут и вянуть не спешат.

ВДОХНОВЕНИЕ

Ну вот! Иссякло, перестало мучить.
Какое-то затишье. Жизнь стоит.
В небесной дверце повернулся ключик,
и ничего оттуда не летит.

Рой букв переместился на бумагу,
окончив путь в извилистых мозгах.
Когда-нибудь и я, как буквы, лягу,
но лягу в землю, превращаясь в прах.

А буквы оживут, напоминая,
выстраивая смысл забытых слов.
Так, вдохновляясь ими, оживают
в других сердцах

«...и слезы, и любовь»...

* * *

Когда закат искрошен на полу
подвижной тенью моего жасмина,
но домовой еще не взял метлу,
и не повисла темени гардина,

когда в моем саду разлита тишь,
и каждый шорох напрягает тело,
невольно мыслью к юности летишь,
которая так трепетно горела.

И теплится, неясное пока,
чего дороже нет на самом донце...
И проступает кружка молока,
поставленная мамой на оконце.

* * *

Ко мне прижалось одиночество вчера.
Я не прогнал его и понял, что — навек.
В моем жилище будет вечно виться снег,
летя на угли неостывшего костра.

О, этот снег, и эти угли, и в углу
не то вуаль, не то раскинутая сеть.
Не знаю, сколько ей, пылясь, теперь висеть,
но знаю точно, что не подниму метлу.

Со мной осталось одиночество. Оно
сухим дождем отерло мокрое лицо.
И опрокинуло в сирень мое крыльцо,
и занавесило акацией окно.

Скучает лампа на неприбранном столе.
Она другого одиночества — маяк.
Я что-то долго не зажгу ее никак.
Но мотыльки уже кружатся на стекле.

* * *

Почему ты мне снишься?
Уходишь без боли
и заходишь спокойно,
как в собственный дом.
Просыпаюсь
и, вроде бы,
жизнью доволен.
Все в ней есть,
даже счастье —
несбывшийся сон.

* * *

Пишите письма о любви.
Пишите письма.
Пусть летят они за ней,
летят, как листья.

Обугленный чужим огнем
бумажный ворох
родит в покинутой душе
ответный шорох.
Пусть облетит твоя душа,
спеша,
полсвета.
Пишите письма о любви,
не ждя ответа.

Сквозь голые стволы зимой —
свет из оконца.
Пишите письма о любви.
Она вернется.

* * *

Что с тобой стало, что сделалось?
Где ты, виновница бед?
Нет тебя рядом, любимая,
нету — и юности нет.

Грустно, как в роще березовой,
что лишь в сознаньи жива.
Чувства в поленницы сложены
и прогорят, как дрова.

Чуть обогреют и холодно
в пальцах чужих, как во льду.
Где ты, души моей золото?
Нету. Теперь не найду.

Не на что больше надеяться.
Где ты виновница бед?
«Милый мой, все переменится», —
девушка шепчет вослед.

* * *

В моих словах звучит твой голос,
слова я говорю другой.
И голос твой и голос мой
не скажут правды ни на волос.

Мы оба пропадаем враз
и лжем былыми голосами,
ведь мы встречаемся глазами
с глазами, любящими нас.
Мы оба раскрываем рот
для слов других,
но то, что жило,
еще живет, еще нам мило
и лжет,
за нас обоих лжет.

То, что уходит, не вернешь.
Все говорят, что так и надо.
А за любовь дана в награду
святая ложь.
Святая ложь?

ОСЕНЬ

Николаю Тупцову

Не ищите осенью багряной
чувств весенних, приходящих светло.
Осенью любовь покрыта грустью,
пеленою стынувшего пепла.

Не ищите на полях пустых и сырых
бывших по весне ростков зеленых.
Осень Богом создана для опоздавших,
для нечаянно очнувшихся влюбленных.

Осень создана для тех, кто в жизни
в одиночестве раскидывает руки
и, лежась ничком к земле холодной,
слышит сердца горестные стуки.

Кто пытается понять всю быстротечность
бытия, паденья листьев с кроны,
для кого любовь есть бесконечность.
Счастье в ней — удел других влюбленных.

СТРАНА ЛЮБВИ

Знаете, девочка, в этой стране
долго придется искать виноватых.
Милый умчит на горячем коне,
крикнешь: «Куда?» Не услышит. Куда там!

Вырвано сердце и брошено в снег,
и продолжает, нелепое, биться.
Если без сердца живет человек,
лучше бы вовсе ему не родиться.

Господи! Как тяжело сознавать,
что не сумеешь обуздать эту силу.
Господи! Кто научил убивать?
Что это было?
Ах, что это было!?

СНЕЖИНКА

Был вечер-сон. В морозной пыли
из темноты, издалека
судьбе навстречу люди плыли
сквозь фонари, как облака.

И ты плыла. Потом летела
навстречу облаку-судьбе,
замерзшая, в глаза глядела
и улыбалась, и хотела сказать,
что холодно тебе.

Но, отыскав кусочек плоти,
растаяла в моей руке.
Я загрустил, а ты не против
слезой скатиться по щеке.

* * *

Молодость пушинкой улетела.
Вешних сил
душе недостает.
Почему живу так неумело
и зачем навстречу пух несет?
Тополя
не сетуют однако,
весело пушатся каждый год.
Не указ им —
знаки Зодиака,
даже зависть
за сердце берет!
Знать хочу
и слышать, что любимый,
и мечтать,
и колобродить вновь.
Искра
пух взорвала тополиный.
Не спеши,
последняя любовь...

* * *

Узнать меня трудно,
почти невозможно.
Но я постучусь в этот дом
осторожно,
где стены запомнили
клятвы в любви,
но нету любимой —
зови не зови.
Где те же обои
спустя много лет,
два стула и стол,
только нас
в доме нет.

Наш угол хозяева
сдали внаем,
и мы с тобой — врозь,
по-другому живем.
За нашим столом
кто-то пьет и поет,
и мимо снует незнакомый народ.
Я здесь постою,
чтоб уйти навсегда,
но дело не в том,
чтоб уйти,
а — куда.

* * *

Разлука смешалась с границей.
Стеляют
с твоей стороны.
И мы не сумеет проститься
теперь до скончанья войны.

И вовсе не пули
преграда.
Когда-нибудь
кончится бой.
Но, видно, Всевышнему надо,
чтоб мы
не простились
с тобой.

* * *

Тучи пронзила луна,
цепь за окошком завыла.
Кошка лбом
дверь приоткрыла,
мягко прошла до окна.

Вспрыгнула.
Смотрит во тьму,
не обернулась на зов.
Что-то я в толк не возьму:
кто кому
дарит здесь кров...

Слушает, смотрит, поет,
глажу ее невпопад.
На небе звезды горят.
Небо вспорол самолет.

Лает
и воеет Полкан,
мерзлые цепи звенят.
Сердце тоскует без ран.
Звездочки
с неба
летят...

* * *

Расплескавшись с Божией руки,
дождь стекло разрисовал слезами.
Полными любви и тоски
смотришь драгоценными глазами.

Рвет сентябрь остатки теплых дней,
сыплет их листвою у порога.
Клин последний серых журавлей
собрался в неблизкую дорогу.

Позовет душа за небеса.
Долго ль буду в мире оставаться?
За стеклом в искусственных слезах
ты, родная, станешь улыбаться.

* * *

«Подари мне перстень с изумрудом»,—
я услышал много лет назад.
И с тех пор меня зеленым чудом
те слова, яснее, в даль манят.

Не богатством милая пленилась,—
цветом сказок младости Руси.
Так зачем же я, растратив силы,
все не то из странствий приносил?

Ворон за грехи беду накаркал.
А беда не ходит в дом одна.
Не спешил я с дорогим подарком,
больше жизни выросла цена...

* * *

Я шел на запахи, как пес.
Кругом была весна.
И путеводный проблеск звезд
хмелил пьяней вина.

Звучала дудочка во мне,
а в небе пел орган.
Летело счастье на стреле,
стрелок качнулся пьян...

Куда теперь летят года?
Я жизнь, как все, гублю.
Но в свежем ветре иногда
те запахи ловлю.

Всплакнет жалеечка моя.
Взревет во мне орган.
Сочится песня бытия
из всех отверстых ран.

ЗАБЫТЫЙ ЧЕРДАК

Я думал, что это уже невозможно.
Но все оказалось не так.
Мне лютый январь отворил осторожно
забытую дверь на чердак.

Я звезды увидел, дыша на ладони.
Я вниз посмотрел и увидел огни.
И кто-то во мне через годы напомнил,
как мы оказались одни.

Что есть на Земле половинка другая,
что так же готова взлететь,
пойдя по обрыву до самого края,
где с жизнью встречается смерть...

Не надо спешить. Звезды снова сойдутся,
судьбу собирая в кулак.
И двое людей на Земле разберутся,
что сделали в жизни не так.

И я подожду у последнего края,
и ты подожди, не спеши.
Вдвоем веселей улетать, улетаю
на зовы небесной глуши.

Оттуда никто никогда не вернется,
И мы не вернемся никак.
Забытый чердак на крылах вострепнется
и рухнет забытый чердак.

* * *

Давай не думать ни о чем.
Еще придет пора,
когда молва за палачом
пошлет уже с утра.

Давай сегодня отдохнем
от всех забот земных.
Давай споем. Давай споем
о нас и о других.

Святой мелодии тепло
растопит черный лед.
Заснет завистливое зло.
На целый день заснет!

И если утром не поймут,
что было этим днем,
пускай
пошлют,
пускай пошлют
за палачом!..

* * *

На узорах морозной парчи
тает свет заходящего солнца.
Неприкаянно сердце стучит.
Нежно ель протирает оконце.

Наливай свое зелье в стакан.
Я не вижу: он пуст или полон.
Темнотой истекаю от ран,
порожденных
душевым расколом.

Ветер соло ведет на трубе.
Долгий вой
не прибавит покоя.
И крыльцо,
и тропинку к избе
заметает от этого воя.

Взялся душу лечить, так лечи.
Пусть качается мрак и густеет.
Не зажгу ни единой свечи,
буду ждать,
пока ель заалеет.

Буду песнь заунывную петь,
трепетать потихоньку крылами.
Должен кто-то ко мне прилететь
и не зельем лечить, а стихами?

* * *

Человечество — пыль. Ее сдует космический ветер —
и не жар, и не холод, а иное начало конца.
Если свет — это жизнь, если лик Божества еще светел,
есть надежда на вечность в глазах дорогого лица.

Есть надежда на вьюги, которым баюкать не ново
и зализывать язвы на теле изрытой Земли.
Жизнь начнется опять. Разнесутся раскатом громовым,
набухая от ливня, зеленые зерна Любви.

Да воскреснет Любовь! Пусть ничто ее больше не ранит.
На пробитых ладонях — навеки следы от гвоздей.
Пусть не будет обмана, который доведет до грани
неокрепшие души готовых очнуться людей...

ТАЙНА

Я очнусь среди дня,
в звоне мерзлых берез,
поседевший от долгой разлуки.
Я тряхну сединой
с бриллиантами слез,
затвердевших
от хлада и муки.

Я на солнечный мир
погляжу сквозь стволы.
Все горит, полыхает от света.
И теплом и уютом
дымятся котлы,
только счастья
все нету и нету.

На блистающий мир
погляжу я с тоской.
Скоро станет остывшей золою!..
Я хотел бы открыть,
но за снежной горой
я последнюю тайну
укрою.

РЕГУЛ*

Редееет облаков летучая гряда.

А. Пушкин

Редееет облаков летучая гряда.
В небесной полынье оттаяла звезда.
И, глядя на нее, я ощущаю зов,
как будто бы с души содвинули засов.

Морщинат лик Земли стальные провода,
по ним слова-рубли снуют туда-сюда.
На звездном языке нам не нужны слова.
Лучит моя звезда, лучит в созвездье Льва.

Когда сгустится жизнь в лиловые тона,
поднимутся враги, как липкая стена,
когда сама судьба с тоски уйдет в загул,
горит огнем звезда — не Регул, а Рег-у-ул...

Тогда еще сильнее с ней ощущаю связь.
Хранит меня мой Лев, и бережет мой Князь.

* *Регул* — звезда первой величины в созвездии Льва, светимость примерно в 170 раз больше солнечной. *Регул* в переводе с латыни означает «князь».

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Был поздний вечер. Звездопад
будил желаний рой.
Я шел туда, где мир и лад
меж мужем и женой.
Я знал давно — когда не ждут,
то лучше не ходить.
Но так бывает — не могу
один ни есть, ни пить.
Я думал, что не стану им
чужим, придя с вином,
и мы всю ночь проговорим
за собранным столом.
Что друг, под утро, за двоих
возьмется проводить.
И мне останется — за них
судьбу благодарить.

Так думал я, но видит Бог,
что наших мыслей строй,
переходя чужой порог,
в чужой вступает бой...
Кричит сварливая жена,
молчит уставший муж.
Не смог он больше без вина
тянуть семейный гуж.
Вчера он выпил, закурил,
с друзьями толковал,
явился поздно и без сил
в постель, как в гроб, упал.
Сегодня мучает вина,
а в чем — не знает сам.
И бьет сварливая жена
словами — по глазам.

О, нет! Мой друг не из таких.
Жена — ему под стать.
Я двигал ветки нежных ив,
что любят птиц качать.
Баюкал ветер тихий край,
плыл в небе лунный зрак.
Уснувший парк вороний грай
будил, сгущая мрак.
Не доделили, видно, днем
еду или рубли
и под небесным фонарем
и ночью торг вели.
А может, старый, битый вран
уселся невпопад.
И, не щадя свербящих ран,
летит насмешек град.

О, люди, птицы и зверье!
Земля на всех одна.
От власти злое воронье
пьянеет без вина.
Оно кустится по верхам
и правит черный бал.
Там через раз то плут, то хам,
других я не видал.
Другим — достаточно земли,
достаточно — воды.
Плывут их семьи-корабли
от счастья до беды.
А все, что между,— это дни,
которые судьба,
скучая, гасит, как огни,
на выдумки слаба.

Из тьмы приблизилась стена,
но крик встревожил слух.

А из знакомого окна
летел какой-то пух.
Стоял мой друг, потупив взгляд,
качая головой.
Он был случайной встрече рад,
но радостью иной.
— Послушай, кто здесь рушит кров? —
я у него спросил.—
Зачем весь этот ад голов?
На жизнь не хватит сил.
Здесь снег нетающий летит.
Ужель пришла зима?
— Нет. То жена моя чудит.
Как все, сошла с ума.
Так горько он сказал о том,
так тяжело вздохнул,
что я достал сосуд с вином
и другу протянул.
О, люди, птицы и зверье!
Земля на всех одна.
В сосудах крепкое питье,
как жидкая стена.
За ней укрывшись, в поздний час
остались мы вдвоем.
Окно замолкло. Свет погас.
Семейный стихнул гром.
Беседу долго мы вели,
метя душевный хлам.
А где-то плыли корабли
к родимым берегам.
Вернулось солнце, сделав круг,
не поломав руля.
Пошел к жене мой добрый друг.
К себе вернулся я...

* * *

Как много расплодилось воронья,
оно полнеба вдруг заполонило.
Тьма черных птиц хоронит не меня,
мне одного бы ворона хватило.

Россия! Ты как будто не моя.
Столица отдана иноплеменным.
Им ворон заменяет соловья,
но ты жива
по весям потаенным!

Не стоит верить
рассказням пустым,
молиться новоявленным пророкам.
Россия! Мы, как прежде, победим.
Мы не уйдем,
и не умрем до срока...

* * *

Чужие плоды просвещения
накликали в доме грозу.
Безжалостный дым обновленья
из глаз вышибает слезу.

И даль не ясна и дрожаща,
мутится родимая гладь.
Не в прошлом
и не в настоящем
приходится Русь обретать.

Нас долгая память пространства
вернет на утерянный путь
и сброшенный крест постоянства
поможет на храмы вернуть.

* * *

Как суетно среди людей...
Кусает сердце безысходность.
Свивает гнезда чужеродность
на кронах родины моей.
Шумят верхи,
низы примолкли.
В глазах знакомых стынет грусть.
Повсюду скалят пасти волки,
и червь сомнений точит Русь...

Когда берут за око око,
противников не примирить.
О, как сегодня одиноко!
Обида жжет,
но надо
жить.

СИРЕНЕВАЯ ЗВЕЗДА

Стрелки связаны паутиной —
умный Запад и злой Восток.
Вместо цифр на доске старинной
лики звездных — земных сынов.

Не звучит, не шагает время —
равновесие сил в борьбе.
Дров сухих принесу беремя,
и завоюет огонь в трубе.

Отогревшись, запляшут тени,
и по кругу блеснут года.
На полене цветок сирени,
как засушенная звезда.

* * *

Не часто думаем о смерти,
покуда жизнь, как карнавал.
Но из небесной круговерти
судьба отцелит — наповал.

Пока хранит нас ангел белый,
на нашу жизнь управы нет.
Но все ж, невидимые стрелы
с рожденья пущены вослед...

* * *

На ветках вороны кричат,
слетелись, словно перед пиром.
Наверно, в чем-то виноват
я — перед всем крещеным миром.

Я выхожу в рассветный сад.
Туман в окно души струится.
Бесшумно ангелы летят,
и среди них — родные лица.

«Отец, отец, вот я — твой сын.
Тебя с тоскою вспоминаю».
Как тяжело, когда один,
и ангелы не прилетают.

* * *

Веткой рябина
в окно
постучалась.
Снег за окошком
да дождь.
Много ли песен
неспетых
осталось?
Те, что не спел,
не вернешь.

Руки слабеют,
глаза выцветают,
рвется
знакомая нить.
Если бы знать,
что и там
продолжают
ветки
в окно
колотить.

* * *

Сергею Доницу

Поэты узнаются по глазам.
По искорке, что в них
всю жизнь
горит.
А также по наивным
чудесам,
что их душа
ранимая
творит.

Поэты знают множество
примет,
которые уводят в никуда.
Но только им одним
знаком секрет,
как выбраться
из черного пруда.

Поэт тасует тот
и этот свет.
Он то откроет, то
закроет их.
А если он
глаза
закрыл навек,
то вечность
за него
заговорит...

* * *

Время умерло в часах,
а перевернешь сосуды,
побежит
сыпучий страх,
отмеряя
не секунды...

Образ жизни,
образ дней —
в прошлое летящих суток.
Остановка.
А за ней
кто-то поменял сосуды...

На окно
прилип листок.
И песок —
могильной горкой.
Время дышит между строк,
сердце жжет
строкою горькой.

* * *

Осень сбросит
кленовый листок.
Не под ноги,
а в руки
опустит,
чтоб берег,
желтый листик
берег,
словно знак
исчезающей
грусти.

Облетает
осенняя грусть.
Дождь по веткам
и лицам
струится.
Отчего-то
взаправду
боюсь
в этом желтом
дожде раствориться...

Не хочу улетать
в небеса,
в темноту
неземных
ощущений.
Мне в ладони
упали —
слеза, желтый листик
и дождик
осенний.

* * *

Скоро станем и мы стариками,
а давно ли учились ходить!
Злые шутки случаются с нами,
стоит только про годы забыть.

То девчонке смешно улыбнешься,
обнажая прореху в зубах.
То на взрослую дочь обернешься,
за жену молодую приняв.

А жена! Что берется, откуда!
Тут подкрасит, а там подкудрит.
И глядит мое сердце на чудо,
с неизбывной любовью глядит.

Вот и годы проходят, как тени,
перед мысленным взором моим.
Перед Спасом встаем на колени
и спасибо за все говорим.

* * *

Что прошло — то прошло. Не воротишь.
Не всплакнет бубенец у крыльца.
Может, ты еще что напророчишь,
и я выйду, спадая с лица.
Крикнешь мне, что не все пролетели,
что не всё посрывало с петель...

Мне на теплой пуховой постели
стала сниться другая постель.
Забирает. До дрожи колотит
изнутри исходящая тьма.
Не в чужой огород заворотит
подступившая к жизни зима.

* * *

Что ж ты, цветик ты мой золотой,
загрустил на моем на окне?
Видно, долго я ехал домой,
долго жил на чужой стороне.

На богатом заморском пиру
забываешь, о чем горевать,
но своих забывать не к добру:
убаюкает намертво тать.

Вижу, цветик ты мой золотой,
поливали тебя через раз.
Вместе выпьем воды ключевой
за Россию,
за веру,
за нас!

* * *

Пароход о берег носом ткнулся.
Я здесь — не случайный пассажир.
Я к себе на родину
вернулся,
где легко и безмятежно жил.

Мне здесь даже холод
душу греет.
Осенью на родине тепло.
Осенью вода в реке густее,
сколько ее в жизни утекло...

Не хочу разматывать печали,
что за жизнь
на сердце накрутил.
Я к себе на родину
причалил,
пароход надолго отпустил.

* * *

Беспричинная мает тоска
на просторах российской равнины.
Но блестит голубая река,
растопившая белые льдины.

Здесь устойчив оттаявший бор
и улыбчив случайный прохожий,
с ним легко завести разговор,
разойтись, улыбаясь похоже.

Здесь и время течет не спеша,
усмиряя людские усилья...
Но опять трепетнула душа,
расправляя прозрачные крылья.

НА ОСТРОВЕ

Глухомань. Бурелом да валежник.
Я сюда зазывать не берусь.
Здесь еще непролазней, чем прежде,
но осталась старинная Русь.
Здесь осталось! Осталось! Осталось
то, что сердце пронзающе жжет,—
эта самая, самая малость,
что к себе отовсюду ведет.

От росы поседела осока.
Сквозь осины синее вода.
Хлопотливо стрекочет сорока
и опять зазывает сюда.

Мы с отцом здесь грибы собирали.
Столько мы набирали грибов!
Выносить их, порой, приглашали
на подмогу троих мужиков.
А когда из земли подымался,
покрывал остров гриб-боровик,
к нам в мечтах прямо в лес опускался
домотканый ковер-грузовик!..

Вы такое видали едва ли.
И грибов так же много опять.
Только катятся слезы печали,
грустно стало грибы собирать...

* * *

Давно ли цвела сирень?
А нынче поспела рябина.
Прошло, как один день,
время моих цветов.
Пора собирать плоды
и на зиму ставить вина.
Ах, сколько в саду плодов,
от ягод блестят кусты...

И я захожу в мой сад,
причудливый и волшебный.
Мне жаль обрывать наряд
земли, похожей на рай.
И в этот последний миг,
томительный и целебный,
твой шепот, как грозный крик:
«Помедли, не обрывай!..»

* * *

На дно корзины
падают листья.
Лес пуст.
В лесу одни поганки.
Они озябли —
ведьмины посланки —
поджали шляпки,
спрятали хвосты.

А желтый лист
летит
на дно корзины.
Не то
копают золото —
глупцы.
Старинной медью
красные осины
меня осыпали,
как нищего
купцы.

Не надо мне
ни долларов зеленых,
ни пахнувших бессилием
рублей.
Люблю октябрь,
по пояс занесенный
шуршащей звенью
родины моей.

* * *

Хочу я увидеть, какими глазами
ты смотришь в полночный костер.
Хочу я услышать, какими стихами
с тобою беседует бор.

Наверное, рад он такому приходу
и все не спешит засыпать,
тоскует о лете, клянет непогоду,
жестоких охотников рать.

И все говорит, говорит без умолку,
боясь отпустить навсегда.
Упавшая с ветки сухая иголка
сгорает в огне, как звезда...

* * *

Разрушает душу алкоголь.
Чувствуешь,
как в теле станет пусто.
Но, пока живой,
терзает боль
впавшего в безумие искусства.

Догорает Божия искра.
Сколько их без пользы отгорело!
Эх, Россия! Кончиком пера
ты народы вдохновлять умела.

Сколько этих перьев золотых
у Жар-птицы, кто их сосчитает?
Когти тянут, алчут красоты.
От чужих Жар-птица улетает.

Падают таланты на Руси.
Кто-то пьет, другой уже в могиле.
Господи! Помилуй и спаси.
Мало нас без водки загубили?

* * *

В Весьегонске пахнет тополями.
Дождь умыл зеленые кусты.
Напоследок капли — козырями —
кроют крыш железные листы.
Выставился мокрою гладышкой
камешек булыжной мостовой.
Мой знакомый клал ее мальчишкой
и ушел до срока на покой.

Повзрослевший тополь тянет руку,
здесь моя любимая жила.
Вспоминаю добрую старуху,
что ночами улицы мела.
Где она — знаток чужого счастья —
дух голубоватых фонарей?
Замечали ль городские власти
чистоту у собственных дверей?

От прогресса никуда не деться —
легче ехать, проще пыль сметать.
Непокорный камень в форме сердца
прохулил асфальтовую гладь.
Прохудится небо над столицей,
канет в пыл несметной суеты...
Сколько раз мечталось возвратиться
на круги
 знакомой чистоты.

НАЛИЧНИКИ

Отличные наличники
по Устюжне по всей,
в них что-то нетипичное —
не город, а музей.

Любой, идя по улицам
от церкви до горы,
невольно zalюбуется
на крепкие дворы,

на белые черемухи,
на нежную сирень,
на тех, что шлют без промаха
весеннюю мигрень.

Давно железо кричное
не варит древний град,
но бережет наличники
который век подряд.

Узоры не столичные —
травинки да цветы.
Не купишь за наличные
подобной красоты.

На свете есть
места важней,
здесь — тихой жизни круг.
Грустят по милой Устюжне
Москва и Петербург.

ПОЛДЕНЬ

Я от земли, от земли,
от корней,
восходящих зелеными кронами,
и от цветов,
опыленных церковными звонами.
И от реки, от реки,
убегающей в вечность,
от ветра,
разбившего чье-то оконце,
и от Любви,
и от дали туманной,
вдруг открывающей
Солнце.
Руки, как крылья,
и весь я
похож на стрижа.
Да, я от неба,
и память о небе свежа!

Мысли — от смерча,
в котором смешались
века и народы,
он то на запад
держит свой вихрь,
то он спешит
на восток.
Плотью от севера,
вечно в плену
непогоды,
помню о юге.
Вот так образуется
крест.
К полудню
бывшая, как Эверест,

тень от меня
исчезает.

За полдень
выйдет с другой стороны,
словно расплющенный гном.
Полдень на тени
стоит.
Я — световой метроном.

* * *

Ах, дорогой,
не клянись так настойчиво.
Где уж тут
душу сберечь!
Убережем
в галдеже перебойчивом
внятную
русскую
речь?!..

Ах,
как текла,
было,
за разговорами,
за самоварным чайком,
да
за струной,
да
с мехов переборами,
с миром текла
да с ладком...

Ах, дорогой,
не бранись опрометчиво.
Ты ли себе не сам-друг?
В жизни так много
на круги
наверчено.
Это —
кончается
круг.

* * *

День седьмое ноября —
белый
день календаря.
Обозвавшим
его красным —
Бог,
наверное,
судья.

День —
от снега
белый-белый.
Как ни глянешь
на просвет,—
чистый,
потому что первый
этот самый
белый цвет.
«Так природа захотела»,—
как сказал
один поэт.

«Почему? Не наше дело» —
красить
в разные цвета
листья, что летят
с куста,
все,
что с ними
улетело.
День, от снега
белый-белый,
начинается
«с листа»...

* * *

Завтра часы остановятся,
дом в тишине утонет.
Грустно. Пора успокоиться
в этом печальном доме.

Запечатляясь в памяти,
пружинным обманом полон,
качается бодрый маятник,
тикает маленький колокол.

Качается в ритме сердца.
По застекленному кругу
движется черная стрелка,
тянет тонкую руку.

Жить бы и не тужить.
Воля на все Господня.
Время. Пора уходить.
Остановлю их сегодня.

* * *

Показалось — мы все стали грустные.
Захотелось — смеяться и петь.
Хватит. Хватит скрипеть, люди русские,
не нужны нам ни пряник, ни плеть.

Нам ли Бога гневить нерадением?
Нам ли руки без сил опускать?
Не покорством судьбе, не смирением
надо счастье свое добывать.

Стоит зорьку лелеять до вечера,
молодить свои силы трудом.
Сгоряча да сплеча изувечена
наша жизнь. Только хватит о том!

Впереди еще многое сбудется.
Жизнь — волчок на незримой оси.
Вокруг Солнца Земля наша крутится.
Скоро Солнце взойдет на Руси!

* * *

Я предался воспоминаньям,
встав на порог иной страны.
Мчал в черепе ручей сознания
в глубины вещей старины.

В нем отражались люди, птицы
и небеса, и берега.
Земная ось незримой спицей
пронзала магму и снега.

Земля под черепом крутилась
и сплющивалась с полюсов,
и в райской чистоте явилась
в сияньи девственных лесов.

«Господь, останови мгновенье!» —
прапамять брызнула из глаз.
И светлый омут очищенья
меня опять от смерти спас.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Всю ночь шел дождь...»	6
«Не колокольчика тоска...»	7
«Надсадно и странно тоскливые трубы...»	8
«Эти травы родимой земли...»	9
«Среди ветров равнины белой...»	10
Песня	11
«Опять иду знакомыми полями...»	12
«Деревня вымокла от долгого дождя...»	13
«Все заросло деревьями...»	14
«Тоскует мать...»	15
«Храни тебя Господь...»	16
«А душа все время не на месте...»	17
Серп	18
«Когда зима использовала срок...»	19
В весеннем лесу	20
Еленин клен	21
«Не от Бога, не от века...»	22
Русская сказка	23
«Любому гостю...»	24
«Стал горек хлеб...»	25
Похороны	26
«В прошлом нет запасных вариантов...»	27
Затмение души	28
«Там, где краснеет восход...»	31
Слово	32
«Не хранит себя Русь...»	33
«Я плачу, глядя фильмы о войне...»	34
Сталинградская полоска	35
«Молчали об этом всеведы...»	36
«Неприятность бывает смертельна...»	37
«Погляди, как цветы увядают...»	38
Двадцатому веку	39
«За светлые слезы, за русские слезы...»	40
«Среди ночи очнусь и гляжу...»	41
«Я двигаюсь в жизни рывками...»	42
«Утро раннее...»	43
«Поутру помолился и вышел...»	44
«А времени все меньше, дорогая...»	45
«Обрушу груз пустых тревог...»	46
«Апрель не думал появляться...»	47
«Пьяный ветер горячей весны...»	48
Однажды	49

«Который час сегодня на Земле?..»	50
Наше	51
«Падает с неба замерзшая влага...»	52
«Съестные припасы подходят к концу...»	53
«Лес мою душу врачует...»	54
«И трепет крыл...»	55
Небесные кросна	56
Метель	57
В Рождество	58
«У друга умерла жена...»	59
Сон	60
«Свернул подальше от соблазнов...»	61
«Мы стареем, дружок...»	63
Дом Романовых	64
«Поэзия — порядок слов...»	66
«И звезда не случайно упала...»	67
Рубцововеду В. С. Белкову	68
Памяти Николая Рубцова	69
«Опять повторилось...»	70
«Сижу и пью из рюмки поминальной...»	71
«Свободен тем, что ничего не жду...»	72
Поэт (триптих)	73
Портрет вождя	75
Пианист	76
Цикламены	77
Вдохновение	78
«Когда закат искрошен на полу...»	79
«Ко мне прижалось одиночество...»	80
«Почему ты мне снишься?..»	81
«Пишите письма о любви...»	82
«Что с тобой стало...»	83
«В моих словах звучит твой голос...»	84
Осень	85
Страна любви	86
Снежинка	87
«Молодость пушинкой улетела...»	88
«Узнать меня трудно...»	89
«Разлука смешалась с границей...»	90
«Тучи пронзила луна...»	91
«Расплескавшись с Божией руки...»	92
«Подари мне перстень...»	93
«Я шел на запахи, как пес...»	94
Забывтый чердак	95
«Давай не думать ни о чем...»	96

«На узорах морозной парчи...»	97
«Человечество — пыль. Ее сдует космический ветер...»	98
Тайна	99
Регул	100
Провинциальная прогулка	101
«Как много расплодилось воронья...»	104
«Чужие плоды просвещения...»	105
«Как суетно среди людей...»	106
Сиреневая звезда	107
«Не часто думаем о смерти...»	108
«На ветках вóроны кричат...»	109
«Веткой рябина...»	110
«Поэты узнаются по глазам...»	111
«Время умерло в часах...»	112
«Осень сбросит...»	113
«Скоро станем и мы стариками...»	114
«Что прошло — то прошло...»	115
«Что ж ты, цветик...»	116
«Пароход о берег носом ткнулся...»	117
«Беспричинная мает тоска...»	118
На острове	119
«Давно ли цвела сирень?...»	120
«На дно корзины падают листья...»	121
«Хочу я увидеть, какими глазами...»	122
«Разрушает душу алкоголь...»	123
«В Весьегонске пахнет тополями...»	124
Наличники	125
Полдень	126
«Ах, дорогой...»	128
«День седьмое ноября...»	129
«Завтра часы остановятся...»	130
«Показалось — мы все стали грустные...»	131
«Я предался воспоминаньям...»	132

*Издание подготовлено к печати при поддержке
Администрации Вологодской области
и Администрации Устюженского муниципального района*

SDp.

МАКСИН
Юрий Михайлович

КОТОРЫЙ ЧАС СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛЕ?

Стихотворения

Редактор *А. А. Цыганов*
Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 22.03.2004 г. Подписано в печать 08.04.2004 г.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 7,14. Печать офсетная. Тираж 2000. Заказ 1446.

ООО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

ВОЛОГДА
2004

